

УДК 811 161

В.С. Соболева*

К ВОПРОСУ О ВИДОВОЙ ПАРНОСТИ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ: ЕЩЕ ОДНА ПОПЫТКА РЕШЕНИЯ СПОРНЫХ ВОПРОСОВ

В статье рассматривается несколько недавно опубликованных статей, посвященных вопросу видовой парности русских глаголов. На основе анализа представленных в этих статьях позиций автор данной статьи предлагает свое видение для решения противоречий и несоответствий в существующей интерпретации функционирования категории глагольного вида в русском языке.

Ключевые слова: глаголы совершенного вида / перфективы, первичные и вторичные имперфективы, формальные средства перфективации и имперфективации, «пустые» приставки, выбор видовых коррелятов, значения законченности, длительности и многократности действия, бинарная система, трехчленная система.

Вступление

Практика преподавания русского языка как иностранного показывает, что наиболее трудной темой для усвоения русского языка является категория глагольного вида. Это вызвано в первую очередь отсутствием коммуникации между методистами / преподавателями и теоретиками в области глагольного вида. Однако проблема заключается не столько в отсутствии коммуникации, сколько в том, что теоретикам все еще нечего предложить для улучшения методики преподавания глагольного вида, несмотря на то что научные изыскания ведутся уже более ста лет. В чем же дело? Как отмечается в фундаментальной работе В.В. Виноградова *Русский язык* [2], на протяжении 19-го века ведущие аспектологи выделяли в системе русского глагола по крайней мере три и более видов, или степеней. Однако к началу 20-го века интерпретация категории глагольного вида претерпела разительные изменения. Большинство ученых стали видеть в системе русского глагола только два вида: совершенный (СВ) и несовершенный (НВ), функционирующие в языке по принципу бинарной оппозиции, и эта позиция на данный момент считается общепризнанной. Тем не менее, как показывает практика преподавания системы русского глагола, а также многочисленные изыскания аспектологов, признание категории вида бинарной оставило много кардинальных вопросов без ответа. В первую очередь, является ли категория вида грамматической или лексико-грамматической?

Другими словами, являются ли глагольные формы СВ и НВ формами одного глагола или самостоятельными глаголами? Согласно доминирующей позиции, они являются формами одного глагола. Однако тогда возникает вопрос: как объяснить тот факт, что глагольная система, организованная по бинарному принципу, включает в себя не только видовые пары, но и значительное число видовых

троек и одновидовых глаголов¹. Более того, за сто с лишним лет аспектологи так и не смогли предложить методистам убедительного объяснения функционирования категории вида, т. е. описать семантические различия между глаголами СВ и НВ и предложить единодушно признанный семантический инвариант для каждого вида. В этом плане уместно процитировать Е.Я. Титаренко, автора статьи «Вечные» вопросы аспектологической теории» [14, с. 209]. Она начинает статью такими словами:

«Количество спорных вопросов аспектологии как науки о категории вида с течением времени не уменьшается, несмотря на активную деятельность лингвистов разных стран и направлений по их решению. Так, вопрос о семантическом содержании видов, по остроумному замечанию И.Г. Милославского [9, с. 101–110], должен был бы давно считаться закрытым *не по причине окончательного его решения, но по причине практически необозримого количества уже имеющихся публикаций*».

Проблема видовой парности русских глаголов

В данной статье будет представлен анализ нескольких исследований по вопросу видовой парности русских глаголов, а также предложены выводы и пути решения существующей проблемы. Проблема определения видовых пар в системе русского глагола неразрывно связана с формальными средствами образования глаголов обоих видов. Большинство перфективов (СВ) образуются от первичных имперфективов (НВ1) путем префиксации: *читать* – *про-читать*, *писать* – *на-писать* и т. д., за исключением небольшого числа перфективов (СВ1), образованных посредством суффиксов *-ну-* и *-и-* (*прыг-ну-ть*, *толк-ну-ть* или *куп-и-ть*, *реш-и-ть*). В языковой системе также широко используются суффиксы *-ыва-* / *-ива-* / *-ва-* / *-а-* для образования вторичных имперфективов от перфективов СВ2, напр., *про-читать* (СВ2) – *про-чит-ыва-ть* (НВ2), *за-писа-ть* (СВ2) – *за-пис-ыва-ть* (НВ2) и др.²

* © Соболева В.С., 2017

Соболева Валентина Савельевна (soboleva9@comcast.net), кафедра русского языка «С», Школа европейских языков, Военный институт иностранных языков, г. Монтерей, штат Калифорния, США.

Как мы видим, глагольная система включает в себя три продуктивных словообразовательных ряда: первичные имперфективы (НВ1) – префиксальные перфективы (СВ2) – вторичные префиксальные имперфективы (НВ2). Поэтому выделять видовые пары из трехчленных образований является непростой задачей. Выделение пар осложняется тем, что, во-первых, семантика самих префиксов привносит дополнительные оттенки разной степени в лексическое значение первичных имперфективов и, во-вторых, эти оттенки сохраняются при образовании вторичных имперфективов. Другая сложность возникает при измерении степени семантических оттенков, т. е. насколько первичное лексическое значение глагола изменяется после добавления к нему префикса, создавая таким образом новый глагол, и в каких случаях изменение прослеживается с трудом. Многие считают, что в таких случаях оба глагола образуют видовую пару и префиксы в них являются «пустыми». Однако такие пары нередко входят в видовые тройки, в которых первичный и вторичный имперфективы в определенных контекстах могут взаимозаменяться: *гибнуть* (НВ1) – *погибнуть* (СВ2) – *погибать* (НВ2), *мешать* (НВ1) – *помешать* (СВ2) – *помешивать* (НВ2), *мерзнуть* (НВ1) – *замерзнуть* (СВ2) – *замерзать* (НВ2) и т. д.

Позиции по этим вопросам в современной лингвистологии

Согласно Е.Н. Титаренко [14, с. 211], в свою очередь ссылающейся на Е.Н. Ремчукову, вопрос «о словоизменительном характере категории вида относится к числу наиболее дискуссионных. По мнению большинства современных исследователей, этот вопрос не имеет однозначного решения, категория вида является двойственной, как словоизменительной, так и словообразовательной, словоклассифицирующей, и даже в этом смысле не является в русской грамматике уникальной» [12].

Главное разногласие исследователей состоит в том, какие глагольные пары признавать чистограмматическими коррелятами: только те, в которые входят перфективы СВ2 и образованные от них имперфективы НВ2, или сюда можно также отнести корреляты НВ1 – СВ2. И даже если признается парность некоторых образований по модели НВ1 – СВ2, остается неясным, являются ли приставки в таких образованиях «пустыми», т. е. чистовидовыми.

Согласно Е.Я. Титаренко [13], по этому вопросу существует три позиции: наиболее последовательным сторонником признания наличия чистовидовых приставок является А.Н. Тихонов [15], кардинально противоположную позицию занимает И.Г. Милославский, считающий категорию вида словообразовательной [8], на такой же позиции и сама Титаренко. Имеется также и промежуточная позиция, которую, по словам Титаренко [13, с. 211], «занимали Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко и их последователи, которые в своих трудах 60-х годов прошлого века признавали вторичные имперфективы формами глагола, а префиксальные пары – разными словами».

К сожалению, отсутствие общепринятой позиции по этому вопросу не привносит ясности в понимание функционирования категории вида русских глаголов. Мы продолжаем вводить категорию вида по принципу видовой парности типа НВ1 – СВ2 (*читать* – *прочитать*, *видеть* – *увидеть*, *смотреть* – *посмотреть* и т. д.), и в дальнейшем видовые отношения типа *прочитать* (СВ2) – *прочитывать* (НВ2), *закончить* (СВ2) – *заканчивать* (НВ2) остаются без надлежащего объяснения, поскольку корреляты такого типа вводятся и рекомендуются для запоминания в обратном порядке: *заканчивать* (НВ2) – *закончить* (СВ2).

В этом плане интересно упомянуть полемику, имевшую место между норвежской группой исследователей во главе с Л.А. Яндой и авторами А.А. Зализняк (Институт Языкознания РАН) и И.Л. Микаэлян (Гос. Университет Пенсильвании, США). Poleмику вызвали работы норвежской группы, в которых излагались результаты их эмпирического исследования семантической природы глагольных префиксов в русском языке и, в частности, так называемых «пустых» приставок³. В его основу, по словам авторов, была положена современная теория когнитивной лингвистики, опирающаяся на применение статистических методов анализа данных⁴. В задачи исследования входило проверить две гипотезы 1) Некоторые глагольные приставки в русском языке являются «пустыми»; 2) «Чистовидовые» глагольные приставки в русском языке представляют собой систему глагольных классификаторов [16]. В рамках данной статьи будет рассмотрена только первая гипотеза.

Авторы исследования разделили все глаголы СВ в русском языке на четыре типа: **естественные, специализированные, комплексные и однократные**. У **естественных** перфективов лексическое значение совпадает с лексическим значением бесприставочного глагола: *написать* (СВ2) – *писать* (НВ1), *сварить* (СВ2) – *варить* (НВ1). Лексическое значение **специализированных** перфективов и соответствующих бесприставочных глаголов отличается: *переписать*, *подписать* и *писать*, или *разварить* и *варить*; такие глаголы обычно имеют соответствующие вторичные имперфективы НВ2 – *переписывать*, *подписывать*, *разваривать*. Для **комплексных** перфективов характерно то, что в них приставка вносит ограничение действия, описываемого бесприставочным глаголом. Такие действия начинаются, заканчиваются или длятся в течение некоторого времени: *поварить*, *зачихать*. Они обычно не имеют вторичных имперфективов. **Однократные** перфективы описывают единичное действие из ряда повторяющихся: *чихнуть*, *селунуть*. По мнению авторов, они также обычно не имеют вторичных имперфективов [16, с. 4].

Для анализа была отобрана 1981 видовая пара с **естественными** перфективами, употребленными в аутентичных контекстах. В образовании **естественных** перфективов было задействовано 16 «пустых» приставок: 11 «малых» приставок, образующих значительно небольшое число **естественных** перфективов (*в-*, *под-*, *пере-*, *при-*, *от-*, *в(о)з-*, *у-*, *из-*, *раз-*,

вы-, о(б)-), и пять «крупных» приставок, образующих большие группы *естественных* перфективов (по-, с-, на-, за-, про-). Грамматикализованность приставок была проверена четырьмя носителями языка по критерию Маслова⁵. После такой проверки из базы данных было удалено более ста пар.

Исследователи также сравнивали использование приставок в *естественных* перфективах с их использованием во всех других типах перфективов, где наличие самостоятельного значения у приставок не вызывало сомнения. При анализе семантического содержания приставок и их поведения исследователи исходили из критериев, используемых для определения классификаторов в когнитивной лингвистике, одним из которых является семантическая модель радиальных категорий⁶. Авторы считают, что преимущество такой модели в том, что она позволяет выявить не только наличие пересечений, но и их объем, а также системность. Отличительной чертой такой модели является то, что в ней радиальные категории определяются не в терминах признаков и границ, а в терминах отношения к прототипу. Определение центральных и менее центральных прототипов в системе проводилось по разработанной авторами системе, которая учитывала всевозможные оттенки в семантике глагольных префиксов.

На мой взгляд, их инструменты описания градаций в семантике глагольных приставок были достаточно аккуратными. Использование семантической модели радиальных категорий при описании приставок представляется продуктивным, поскольку оно позволяет проследить и определить различные оттенки и их степени в семантике приставок. Статистический метод исследования позволил авторам проверить широкий спектр вопросов относительно гипотезы наличия «пустых» глагольных приставок в русском языке на основе большого количества данных. База данных включает 1429 бесприставочных глаголов несовершенного вида, от которых образован 1981 естественный перфектив приставочным образом. Из них 1043 бесприставочных глагола предполагают только одну приставку при образовании перфективного коррелята, в то время как 368 бесприставочных глаголов (27% от общего числа) демонстрируют вариативность: к одному и тому же глаголу может присоединяться по отдельности до шести приставок: напр., от глагола *мазать* (НВ1) можно образовать шесть отдельных перфективов (СВ2) — *вымазать, замазать, измазать, намазать, помазать* и *промазать*.

В исследовании отмечена не только вариативность в выборе приставок для образования приставочных перфективов, но также и возможная синонимия в значениях некоторых приставок. Напр., при анализе контекстов, в которых употреблены перфективы с приставками *за-* и *у-*: *задушил охранника* и *удушил его за горло*, можно говорить о синонимии глаголов. Однако в большинстве случаев различия в семантике приставок существуют. Напр., результат действия, описываемого глаголом *уколоть*, менее катастрофичен, чем для глагола *заколоть*: *уколот*

палец обо что-то и *заколот его ударом ножа* [16, с. 35]⁷.

Говоря о вариативности в значениях приставок, авторы исследования приходят к выводу, что «вариативность управляется взаимоотношениями между значениями приставок и значениями бесприставочных глаголов... различные приставки подчеркивают различные аспекты значения бесприставочного глагола. Таким образом, чередование приставок обогащает спектр оттенков значений, выражаемых глаголами в русском языке» [16, с. 36].

В другой статье “Russian “Purely Aspectual” Prefixes: Not So “empty” after All?” [16] авторами представлен анализ семантических оттенков в значениях приставок, употребленных с *естественными, специализированными* и *комплексными* перфективами. Анализ показал, что, имея собственное значение, префиксы привносят дополнительный семантический оттенок в значение бесприставочных глаголов при образовании *специализированных* и *комплексных* перфективов, который изначально отсутствует в семантике первичных имперфективов. Однако при образовании *естественных* перфективов имеет место наложение схожих значений у приставок и простых имперфективов, поэтому значение приставки перестает восприниматься, но необязательно исчезает⁸.

В этом исследовании было также уделено внимание видовым тройкам, которые, по мнению авторов, представляют собой проблему для «парной» модели категории вида в русском языке. Если вариативность приставок показывает, что у одного бесприставочного глагола несов. вида может быть более одного коррелята СВ2, то наличие видовых троек показывает, что у одного префиксального глагола типа СВ2 может быть два коррелята несов. вида — НВ1 и НВ2. Авторы подчеркивают, что в связи с задачей исследования проследить наличие и поведение «пустых» глагольных приставок, ими были рассмотрены видовые тройки только с *естественными* перфективами. Их данные, в зависимости от использованных источников, включают разные показатели: в данных из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) отмечено 37 % видовых троек, а в данных из Google — 77 %. По мнению авторов, «образование вторичных имперфективов не является ни единообразным, ни случайным: некоторые тройки используют почти исключительно бесприставочные глаголы, некоторые предпочитают вторичные имперфективы, а некоторые демонстрируют более равномерное распределение» [16, с. 42]. Авторы допускают, что выбор между бесприставочным и вторичным имперфективом обусловлен значением приставок. Они склонны согласиться с предположением Ж. Вейранка [22], что вторичные имперфективы ориентированы на результат действия и что для вторичных имперфективов характерно описание действия, которое не только завершено, но и повторено⁹. Возвращаясь к полемике, вызванной исследованием норвежской группы авторов, должна сказать, что мне не совсем понятно, почему это исследование повлекло такую резкую

реакцию со стороны авторов А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян¹⁰. Представляется, что «вечные» вопросы в области аспектологии русского глагола будут оставаться «вечными» до тех пор, пока мы будем жестко отстаивать традиционные взгляды аспектологов XX века, которые вопреки их обширным знаниям и авторитету не смогли предложить последовательную теорию функционирования категории вида.

Что касается самой полемики, то следует отметить, что обе стороны признают наличие «вечных» проблем, связанных с противоречиями внутри традиционной интерпретации категории вида как бинарной. Однако они занимают противоположные позиции в выборе путей для поиска решений этих «вечных» проблем. Если представители норвежской школы пытаются перепроверить наиболее спорные положения в традиционной аспектологической школе эмпирическим методом, то представители российской лингвистической школы отстаивают традиционную позицию: с одной стороны, они признают отсутствие решений кардинально важных вопросов в теории глагольного вида, однако не решаются задаться простым, но принципиальным вопросом: почему существующая теория, которую они так упорно защищают, порождает такой разброд противоречивых точек зрения и не способна соединить их воедино.

Авторы Зализняк и Микаэлян, по их собственному определению, придерживаются позиции, разработанной Ю.С. Масловым [7]. Они признают, что 1) доминирующим механизмом порождения видовой пары является суффиксальная имперфективация; 2) результатом префиксации всегда является новый глагол сов. вида, но никаких импликаций относительно его видовой парности с исходным простым имперфективом нет; 3) для установления видовой коррелятивности префиксального глагола сов. вида необходимо применить тест Маслова, и если исходный имперфектив удовлетворяет критерию Маслова, то он входит в префиксальную видовую пару [4, с. 27].

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что Зализняк и Микаэлян признают существование «пустых» приставок, однако в своих статьях они не уточняют, имеется ли какой-нибудь механизм в определении типов первичных глаголов и семантики префиксов, участвующих в создании видовых пар этого типа. Тем не менее их упрек в адрес норвежских исследователей касается именно «неточностей» в их отборе видовых пар с *естественными* перфективами, отбравшихся, между прочим, на основе критерия Маслова. И даже полезность выделения категорий *естественных* и *специализированных* перфективов ставится ими под сомнение¹¹.

Обе стороны признают, что наличие видовых троек в русском языке не есть случайное явление. Представители российской школы, считая видовые тройки интегральной частью русской аспектуальной системы и признавая наличие префиксальных видовых пар одной из наиболее проблемных точек русской аспек-

тологии, тем не менее, как было отмечено выше, не предлагают объяснения причин этих проблем.

Положительная сторона исследователей норвежской школы заключается в том, что ими зафиксировано два типа вариативности в выборе видовых коррелятов: со стороны имперфективов НС1 наблюдается вариативность в выборе коррелята СВ2 за счет наличия синонимии некоторых приставок, а со стороны перфективов СВ2 имеет место вариативность в выборе имперфективного коррелята. Одни предпочитают корреляты НВ1, другие – корреляты НВ2, а некоторые равномерны в выборе коррелята.

Другой заслуживающей внимания работой является исследование С.А. Карпухина «К вопросу о видовых парах глаголов в русском языке» [5; 6], где он дает неудовлетворительную оценку доминирующей позиции о видовой парности в русской аспектологии. На его взгляд, одним из недостатков теории видовых пар является отсутствие систематического фронтального исследования глагольной лексики в ее отношении к понятию видовой парности. Без такого исследования оценки типа «большинство глаголов» остаются неопределенными и декларативными. Он также отмечает произвольность отбора данных авторами многих исследований. Напр., в наиболее полном на то время исследовании – в *Русской грамматике* – упоминается всего около 200 видовых пар, в других же описаниях как исследовательского, так и учебного характера авторы оперируют небольшим количеством одних и тех же примеров.

Однако главную причину «ущербности бытующей теории видовых пар» Карпухин видит в том, что понятие видовой пары связывается почти исключительно с планом языка, но не речи. Он считает, что понятие видовой пары распадается, как только исследователь берется за функциональный аспект. По его мнению, это не случайно, так как в речи по большей части реализуются не те значения глаголов, которыми исследователи оперируют в объяснении теории. Особенно это относится к глаголам несов. вида, способным выражать то процессность, то многократность действия. По мнению С.А. Карпухина, в литературе отсутствует четкая интерпретация значения многократности действия по отношению к категории вида вообще и видовым парам в частности.

В задачи его исследования входило выяснить объективное место видовых пар в системе видовых противопоставлений в плане не только языка, но и речи, а также сопоставить эти позиции. Для этой цели он ограничился рассмотрением только видовых пар, образованных способом имперфективации, поскольку вопрос о префиксальном способе образования парных глаголов типа НВ1 – СВ2 является «чрезвычайно запутанным»¹². Выборка глаголов была сделана из Обратного словаря русского языка¹³. Она составила 274 глагола, из них 133 глагола были несов. вида и 141 – сов. вида. Выборка была произвольной и потому исключала субъективизм. В нее включались первые глаголы с каждой

Соотношение «процесс (НСВ) – завершение» (СВ)	Другие значения
Вчера я целый день <i>сокращал</i> (НСВ) пьесу. – <i>Я сократил</i> (СВ) ее до 14 картин...	Привалы почти всегда <i>сокращали</i> . (НСВ <i>многократность</i>) – Мы <i>сократили</i> привал. (СВ <i>однократность</i>)
Он постепенно <i>бросает</i> (НСВ) курить. – Он наконец <i>бросил</i> (СВ) курить.	Деревья <i>бросали</i> исполинскую тень. (НСВ <i>состояние</i>) – Настал вечер, и деревья <i>бросили</i> на степь исполинские тени. (СВ <i>переход от отсутствия к наличию состояния</i>)
<i>Я погибал</i> (НСВ) на ее глазах. – Я окончательно <i>погиб</i> (СВ) в ее глазах.	<i>Погиб</i> (СВ) поэт, невольник чести. – В самом расцвете сил Пушкин <i>погибает</i> (НСВ) от пули клеветника. (Оба вида выражают <i>переход от одного состояния к другому</i> , от жизни к смерти)
<i>Освободить</i> (НСВ) Родину. – <i>Освободил</i> (СВ) Родину.	<i>Я освобождаю</i> (НСВ) тебя от необходимости притворяться и лгать. (так <i>называемый перформатив</i> : значение глагола совпадает с его употреблением) – Расставшись, они <i>освободили</i> (СВ) друг друга. (<i>переход от одного состояния к другому</i>)
В это время диктор <i>сообщал</i> (НСВ) прогноз погоды. – Диктор только что <i>сообщил</i> (СВ) прогноз погоды.	В своей статье автор <i>сообщает</i> (НСВ), что популяция тигров резко сократилась. (НСВ <i>изложения</i>) – Журналист <i>сообщил</i> (СВ) в министерство... (<i>конкретное одноактное действие</i>)

страницы глагольного массива словаря на 274 страницах, если эти глаголы имели пометки: *нсв*, *св*, *одн*, *мгн*. Выборка также включала глаголы разной частотности в диапазоне от 100 до 0. В этом смысле автор видит принципиальное отличие его данных от состава глаголов, обычно рассматриваемых авторами аспектологических трудов.

Автор отмечает, что в *Большом Академическом Словаре* (БАС) помечены как парные 161 глагол из 274 выбранных им парных глаголов; это составляет 59 %. Соответственно, 77 из 133 глаголов были несом. вида, а 84 из 141 глагола – сов. вида. Эти данные могли бы рассматриваться в подтверждение общепринятой позиции, что «большинство» русских глаголов образует видовые пары. Однако ему пришлось исключить из этого списка 35 глаголов, поскольку в языковом инвентаре БАС видовая корреляция этих глаголов фиксировалась с различными ограничениями из-за наличия многозначности. Таким образом, окончательное количество парных глаголов, по БАС, составило только 46 %, и это уже, по его мнению, ставит под вопрос убеждение, что «большинство» русских глаголов входит в видовые пары.

Для выяснения удельного веса парных глаголов в речи автор принимал во внимание не только количественное соотношение парных / непарных глаголов, но и отдельные значения многозначных глаголов, фиксируемые словарем, чтобы проследить, как часто в тексте реализуются те видовые значения, которые составляют общепризнанную семантическую базу видовых пар: *процесс действия – завершение действия*. Анализ данных исследования показал, что в реальной речи видовые противопоставления выходят за рамки традиционной интерпретации как противопоставления *процесса действия* и его *завершения*. Вот некоторые из его примеров¹⁴ (см. таблицу).

Для проверки количественного соотношения в употреблении парных и непарных глаголов автор провел еще одну выборку, отобрав две порции по десять глаголов обоих видов, парность которых установлена в БАС, – 10 самых частотных глаголов и 10 с нулевой частотностью. Первая десятка – *бросать*, *выдумать*, *освободить*, *отличать*, *получиться*, *пробиваться*, *проговорить*, *сократить*, *раздумывать*, *уехать*; вторая десятка – *вымесить*, *заяпаться*, *искармливать*, *нафабрить*, *погнать*, *привнести*, *проспиртовываться*, *сгружать*, *убелить*, *устыждать*. В качестве примеров для этих глаголов были взяты иллюстрации из БАС¹⁵. Собранный материал был расписан по целому ряду видовых значений, как это проиллюстрировано в выше приведенной таблице. После этого было подсчитано, какие употребления в тексте встречаются чаще: 1) употребления, на которых базируется понятие видовой пары («процесс – завершение»), или 2) употребления, выводимые за рамки этого понятия. Данные по обоим десяткам включают 20 первых и 196 – вторых: т. е., 9 % видовых пар на основе противопоставления «процесс – завершение» и 91 % видовых пар, противопоставленных по другим значениям. Вывод автора: для разграничения парных и непарных глаголов в русском языке нет достаточных оснований. Тем более неоправданно ставить понятие парности в центр видовой оппозиции [5, с. 6].

Заключение

Рассмотренные выше исследования по проверке верности теории видовой парности русских глаголов показывают, что выделение видовых пар не способствует выяснению истинных внутрисистемных отношений между глаголами сов. и несом. вида. Напр., С.А. Карпунин, рассмотревший, казалось

бы, бесспорные видовые отношения между перфективами СВ2 и имперфективами НВ2, пришел к выводу, что для разграничения парных и непарных глаголов нет достаточных оснований.

Исследования норвежских авторов, рассматривавших отношения между имперфективами НВ1 и перфективами СВ2, а также с имперфективами НВ2 в видовых тройках, показали, что эти отношения определяются двумя факторами: сохранением значений приставок в перфективах и во вторичных имперфективах, а также речевой необходимостью при выборе видового коррелята для глаголов СВ2 между НВ1 и НВ2. Их наблюдения не выявили ни единообразия, ни случайности при выборе имперфективного коррелята: в некоторых случаях предпочтительны глаголы НВ1, в других – НВ2, а в третьих имеет место равномерное распределение возможного выбора между обеими формами. При этом они склонны согласиться с предположением Ж. Вейранка [22], что глаголы НВ2 ориентированы не только на результат действия, они также выражают повторяемость действия. Наличие обнаруженного исследователями разброса в выборе видового коррелята косвенно подтверждает неоправданность включения понятия парности в основу видовой оппозиции.

Наблюдение Ж. Вейранка подтверждено исследованием автора данной статьи [21], в котором было проанализировано 300 глаголов вторичной имперфективации на их употребление с обстоятельствами длительности и законченности действия. В результате из 300 глаголов 245 могут употребляться с обстоятельствами законченности действия, из них 83 глагола при этом выражают повторяемость действия, а 162 глагола могут употребляться как с обстоятельствами длительности, так и с обстоятельствами законченности; еще 44 глагола выражают только повторяемость действия, а 11 глаголов – только длительность действия.

По мнению С.А. Карпухина [5; 6], на определении сущности категории вида и ее системном описании отрицательно сказывается отсутствие исследований функционирования в языке глаголов вторичной имперфективации по отношению к категории вида вообще и к видовым парам в частности.

В свете всего вышесказанного представляется, что описание реальных системных связей русских глаголов должно исходить прежде всего из того, что видовая система включает в себя три продуктивных словообразовательных ряда: **НВ1 – СВ2 – НВ2**, из которых средний ряд является центральным. Наличие в системе одного ряда глаголов СВ, включающего два типа – СВ1 (*купить, стукнуть*) и СВ2 (*написать, прочитать*) и двух рядов глаголов НВ – НВ1 (*писать, читать*) и НВ2 (*написывать, прочитывать*), логично предполагает как минимум два типа видовых противопоставлений: с одной стороны, между НВ1 – СВ2, и с другой стороны – между СВ1/СВ2 – НВ2. Они реализуются в речи в зависимости от потребности противопоставить действия

по длительности / ограниченности действия (*читал два часа – прочитал за два часа*) или по кратности (*прочитал за два часа – прочитывал за два часа*).

Сохранение значений приставками в перфективах и вторичных имперфективах ведет к логическому заключению о словообразовательном характере категории вида, т. е. каждый глагол является самостоятельным глаголом. Это, в свою очередь, ведет к отказу от концепции видовой парности. Отказ от видовой парности позволяет проще и доступнее объяснить функционирование видовой системы русского глагола, принимая во внимание в первую очередь ее трехчленный характер, благодаря которому в языке имеется возможность выражать видовые противопоставления разного типа в зависимости от потребности говорящего. Напр., *на уровне словосочетания* может выражаться: а) противопоставление по *длительности / законченности* действия: Он *писал* (НВ1) / *переписывал* (НВ2) *упражнение полчаса* и Он *написал* / *переписал* (СВ2) *упражнение за полчаса*; б) противопоставление *однократного* действия *многократному*: Он *переписал* (СВ2) *текст один раз* и *переписывал* (НВ2) *текст несколько раз*; в) более того, многие вторичные имперфективы могут выражать противопоставление по *длительности* и *многократности*: *переписывал документ два часа – переписывал документ за два часа*. А в *минимальном контексте* имеет место противопоставление *общефактического* значения (НВ) и *конкретно-фактического* значения (СВ): Он *уже говорил* (НВ1) *мне об этом* и Он *уже сказал* (СВ1) *мне об этом* или Он *уже переписывал* (НВ2) *это упражнение* и Он *переписал* (СВ2) *это упражнение*. Термины *общефактическое* и *конкретно-фактическое* значения, введенные в свое время О.П. Рассудовой [23], широко известны в методической литературе. Для этого типа противопоставления в аспектологии встречаются также и другие термины: *нефиксированное* и *фиксированное* действие [5; 6], а также *нелокализованное* и *локализованное* во времени действие [21].

Примечания

¹ Напр., И.П. Мучник [10] насчитывает 31 % глаголов, не вступающих в видовые пары, а по данным Н.В. Перцова [11], такие глаголы составляют 35 % от общего числа глаголов. По мнению Н.С. Авиловой [1], даже 31 % – это достаточно высокий процент для исключения

² Имеющиеся в языке непродуктивные суффиксальные перфективы типа *решить* или *прыгнуть* (СВ1) не меняют существа дела, так как от них также образуются глаголы вторичной имперфективации (НВ2): *решать* и *прыгать* соответственно.

³ “Aspectual Pairs in the Russian National Corpus”. L.A. Janda and O. Lyashevskaya, 2011; “Russian “Purely Aspectual” Prefixes: Not so “Empty” after All?” A. Endresen, L.A. Janda et al, 2012; «Русские приставки как система глагольных классификаторов». Л.А. Янда, 2012; «Приставки в Свете Когнитивной Лингвистики и Типологии». Ю.Л. Кузнецова и Л.А. Янда, 2013.

⁴ Суть данного направления когнитивной лингвистики состоит в отказе от априорных предположений о структуре

языка. В пример авторы приводят «распространенное во многих современных грамматических теориях априорное положение о том, что язык устроен как строгая логическая система с однозначными критериями правильности и непесекающимися категориями» [17, с. 88].

⁵ Суть критерия Маслова сводится к следующему: если при замене форм глаголов сов. вида в прошедшем времени формами глаголов несом. вида в контексте исторического настоящего сохраняется абсолютная идентичность лексических значений, участвовавших в замене глаголов, тогда эти глаголы составляют видовую пару. Напр., знаменитая фраза Цезаря «Пришел, увидел, победил» может быть заменена идентичной фразой в настоящем времени «Приходит, видит, побеждает»

⁶ Эта концепция «опирается на результаты Э. Рош [20], которая показала что человеческое мышление организует экземпляры понятий в радиальные категории, состоящие из центрального прототипа и менее центральных экземпляров, так или иначе связанных с прототипом» [17, с. 13].

⁷ Примеры из статьи даны в усеченной форме.

⁸ “The combinations of Russian prefixes with verbs are parallel to lexical collocates. The prefixes are more schematic and can either add something not present in the meanings of the verbs (in Specialized and Complex Act Perfectives), or they can overlap with the meanings of the verbs to the point that they become semantically redundant (in Natural Perfectives).” A. Endresen, L.A. Janda et al. [16, с. 241].

⁹ Влияние семантики первичных основ и приставок на поведение вторичных имперфективов было прослежено также в исследовании В.С. Соболевой [21].

¹⁰ Их первая статья «О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды» была опубликована в том же номере журнала *Вопросы языкознания*, где была опубликована статья Лоры Янды «Русские приставки как система глагольных классификаторов» в 2012 г. Затем в том же журнале в 2013 году последовал ответ представителей норвежской группы («Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии»), а уже в следующем году в журнале *Mundo Eslavo* № 13 (2014) был помещен ответ А.А. Зализняка и И.Л. Микаэляна («Русская глагольная префиксация и проблема видовой парности»).

¹¹ «При изучении семантики приставок (а это и значит в первую очередь семантического соотношения значения бесприставочного глагола несом. вида и образованного от него с помощью приставки глагола сов. вида) приставочные глаголы обычно вообще не разделяют на глаголы, входящие в префиксальные видовые пары, и прочие, т. е. непарные или входящие в суффиксальные пары (другими словами, на “естественные” и “специализированные” перфективы), поскольку с точки зрения словообразовательной семантики это различие нерелевантно: семантические механизмы взаимодействия значения приставки и глагольной системы одни и те же...» [3, с. 56].

¹² Рассмотренная выше полемика вокруг исследования норвежской группы подтверждает его мнение.

¹³ Данные Обратного словаря обобщают лексику на основе четырех толковых словарей: Большой и Малый академические словари (БАС и МАС), а также словари Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова.

¹⁴ Таблица автора модифицирована в целях экономии места, но примеры и их интерпретация сохранены.

¹⁵ По замечанию автора, иллюстрации значений брались не только для глагола из выборки, но и для соответствующего парного глагола. Однако из материала исключались фразеологически связанные употребления, а также употребления в причастных и деепричастных формах.

Библиографический список

1. Авилова Н.С. Вид и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высшая школа. 1972. С. 379–395.
3. Зализняк А.А., Микаэлян И.Л. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 48–65.
4. Зализняк А.А., Микаэлян И.Л. «Русская глагольная префиксация и проблема видовой парности». *Mundo Eslavo*. 2014. № 13. С. 19–33.
5. Карпухин С.А. К вопросу о видовых парах в русском языке. Вестник СамГУ. 1999. № 3. С. 108–114. URL: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/1999web3/yaz/199931201.html>.
6. Карпухин С.А. Избранные работы по русской аспектологии. Самара: Издательство Самарского университета, 2016. 152 с.
7. Маслов Ю.С. Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного/несовершенного вида. Советское славяноведение. 1973. № 4. с. 73–83.
8. Милославский И.Г. «Вид русского глагола как словообразовательная категория». Философские науки. 1989. № 4.
9. Милославский И.Г. «О семантическом содержании видовой характеристики русского глагола». Язык – Система: Язык – Текст: Язык – Способность. Москва. 1995. С. 101–110.
10. Мучник И.П. О видовых корреляциях в системе спряжения русского глагола в современном русском языке. Вопросы Языкознания. 1956. № 6.
11. Перцов Н.В. Русский вид: словоизменение или словообразование? Типология вида: Проблемы, Поиски, Решения. Москва. 2001. С. 334–355.
12. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики: Монография. Москва: Издательство РУДН. 2005.
13. Титаренко Е.Я. О грамматической категории вида глагола. Культура народов Причерноморья. 2004. № 49. С. 211–213.
14. Титаренко Е.Я. (2005). «Вечные» вопросы аспектологической теории». Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2006. Том 19 (58), № 1. С. 209–216.
15. Тихонов А.Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографии. Языки народов России. М.: Академия, 1998.
16. Янда Л.А. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–47.
17. Янда Л.А., Кузнецова Ю.Л. Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 87–96.
18. Янда Л.А., Ляшевская О. *Scando Slavica*, 2011, 57:2. С. 201–215.
19. Янда Л.А. и др. Русские «чистовидовые» префиксы: не такие уж «пустые» в конце концов? // *Scando Slavica*. 2012. 58:2. С. 231–291.
20. Рош Е. Принципы категоризации. Познание и категоризация / ред. Е. Рош и Б.Б. Ллойд. Hillsdale, 1978.
21. Соболева В.С. «О семантических особенностях глаголов вторичной имперфективации в русском языке: их не/совместимость со значениями длительности и законченности // *Russian Language Journal*. 2014. 64. С. 151–199.
22. Вейранк Ж. Un probleme de forms concurrentes dans l'economie de l'aspect verbal en russe: imperfectifs premiers et imperfectifs seconds / J. Veyrenc. Etudes sur le verbe russe. Paris, 1980.
23. Рассудова О.П. Употребление видов глаголов в русском языке. М.: Издательство Московского университета, 1968.

References

1. Avilova N.S. *Vid i semantika glagol'nogo slova* [Grammatical aspect and semantics of the verbal word]. M.: Nauka, 1976, 328 p. [in Russian].
2. Vinogradov V.V. *Russkii iazyk* [Russian Language]. M.: Vysshaya shkola, 1972, pp. 379–395 [in Russian].
3. Zaliznjak A.A., Mikaeljan I.L. *O nekotorykh diskussionnykh momentakh aspektologicheskoi kontseptsii Lory Jandy* [On some arguable points of Laura Janda's aspectological theory]. *Voprosy iazykoznanii* [Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)], 2012, no. 6, pp. 48–65 [in Russian].
4. Zaliznjak A.A., Mikaeljan I.L. *Russkaia glagol'naia prefiksatsiia i problema vidovoi parnosti* [Russian verbal prefixation and the problem of aspective paired relationship]. *Mundo Eslavo*, 2014, no. 13, pp. 19–33 [in Russian].
5. Karpukhin S.A. *K voprosu o vidovykh parakh v russkom iazyke* [On the issue about the aspectual pairs in the Russian language]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of Samara University], 1999, no. 3, pp. 108–114. Retrieved from: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/1999web3/yaz/199931201.html> [in Russian].
6. Karpukhin S.A. *Izbrannye raboty po russkoi aspektologii* [Selected works on Russian aspectology]. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, 2016, 152 p. [in Russian].
7. Maslov Yu.S. *Universal'nye semanticheskie komponenty v sodержanii grammaticheskoi kategorii sovershennogo/nesovershennogo vida* [Universal semantic components in the content of grammatical category of perfective/imperfective aspect]. *Sovetskoe slavianovedenie* [Sovetskoe Slavianovedenie], 1973, no. 4, pp. 73–83 [in Russian].
8. Miloslavskii I.G. *Vid russkogo glagola kak slovoobrazovatel'naia kategoriia* [Aspect of Russian verb as a word-formative category]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 1989, no. 4 [in Russian].
9. Miloslavskii I.G. *O semanticheskoi sodержanii vidovoi kharakteristiki russkogo glagola* [On semantic content of aspectual characteristics of Russian verb]. In: *Iazyk – Sistema: Iazyk – Tekst: Iazyk – Sposobnost'* [Language–System: Language–Text: Language–Possibility]. M., 1995, pp. 101–110.
10. Muchnik I.P. *O vidovykh korrelyatsiakh v sisteme spriazheniia russkogo glagola v sovremennom russkom iazyke* [On aspectual correlations in the system of conjugation of a Russian verb in modern Russian language]. *Voprosy iazykoznanii* [Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)], 1956, no. 6 [in Russian].
11. Pertsov N.V. *Russkii vid: slovoizmenenie ili slovoobrazovanie?* [Russian aspect: inflection or word formation]. In: *Tipologii vida: Problemy, Poiski, Resheniia* [Typology of aspect: Problems, Searches, Solutions]. M., 2001, pp. 334–355 [in Russian].
12. Remchukova E.N. *Kreativnyi potentsial russkoi grammatiki: Monografiia* [Creative potential of Russian grammar: Monograph]. M.: Izdatel'stvo RUDN, 2005 [in Russian].
13. Titarenko E.Yu. *O grammaticheskoi kategorii vida glagola* [On grammatical category of the aspect of the verb]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia* [Culture of peoples of the Black Sea Region], 2004, no. 49, pp. 211–213 [in Russian].
14. Titarenko E.Yu. 2005. «Vechnye» voprosy aspektologicheskoi teorii [The «External» questions of the aspectological theory]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences], 2006, Vol. 19 (58), no. 1, pp. 209–216 [in Russian].
15. Tikhonov A.N. *Russkii glagol: problemy teorii i leksikografii* [Russian verb: issues of theory and lexicography]. In: *Iazyki narodov Rossii* [Languages of peoples of Russia]. M.: Akademiia, 1998 [in Russian].
16. Yanda L.A. *Russkie pristavki kak sistema glagol'nykh klassifikatorov* [Russian prefix as a system of verbal classifiers]. *Voprosy iazykoznanii* [Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)], 2012, no. 6, pp. 3–47 [in Russian].
17. Yanda L.A., Kuznetsova Yu.L. *Pristavki v svete kognitivnoi lingvistiki i tipologii* [Prefixes in the light of cognitive linguistics and typology]. *Voprosy iazykoznanii* [Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)], 2013, no. 4, pp. 87–96 [in Russian].
18. Yanda L.A., Lyashevskaya O. *Scando Slavica*, 2011, 57:2, pp. 201–215 [in Russian].
19. Yanda L.A. et al. *Russkie «chistovidovye» prefiksy: ne takie uzhe «pustye» v kontse kontsov?* [Russian “purely aspectual” prefixes: not so “empty” after all?]. *Scando Slavica*, 2012, 58:2, pp. 231–291 [in Russian].
20. Rosch E. *Printsipy kategorizatsii* [Principles of categorization]. In: *E. Rosch, B.B. Lloyd (Eds.). Cognition and Categorization*. Hillsdale, 1978. [in Russian].
21. Soboleva V.S. *O semanticheskikh osobennostiakh glagolov vtorichnoi imperfektivatsii v russkom iazyke: ikh ne/sovmestimost' so znacheniiami dlitel'nosti i zakonchennosti* [On Semantic Peculiarities of Secondary Imperfective Verbs in Russian: Their In/Compatibility with the Notions of Duration and Completion]. *Russian Language Journal*, 2014, Vol. 64, pp. 151–199 [in Russian].
22. Veyrenc J. “Un probleme de forms concurrentes dans l'economie de l'aspect verbal en russe: imperfectifs premiers et imperfectifs seconds”. In: *Veyrenc J. Etudes sur le verbe russe*. Paris, 1980 [in French].
23. Rassudova O.P. *Upotreblenie vidov glagolov v russkom iazyke* [The usage of the aspects of verbs in the Russian language]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1968 [in Russian].

**ON THE QUESTION OF ASPECTUAL PAIRS OF RUSSIAN VERBS: ANOTHER ATTEMPT
AT SOLVING UNSETTLED PROBLEMS**

The article considers several recently published works which address the problem of aspectual pairs in the Russian verbal system. Upon the discussion of these publications, the author suggests the ways for resolving the contradictions and inconsistencies in the existing interpretation of how the verbal aspectual system functions in Russian.

Key words: perfective verbs, primary and secondary imperfective verbs, formal means for perfectivization and imperfectivization, “empty” prefixes, choice of aspectual counterparts, concepts of duration, completion, frequency, binary system, tripartid system.

Статья поступила в редакцию 21/III/2017.

The article received 21/III/2017.